

Станислава Королевич
(Брест, Беларусь)

МОЛОДЕЖНЫЙ СЛЕНГ В ТЕКСТАХ МАССОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Язык нашего времени отмечен интенсивными изменениями, которые были вызваны социальными сдвигами последних десятилетий (как позитивными, так и негативными), изменениями в структуре общественно-политического строя, сменой состава активных участников коммуникации, беспощадным пересмотром моральных ценностей. Внеязыковая ситуация, сложившаяся на рубеже II–III тысячелетия в связи с переходом от тоталитарного общества к демократическому, усилила тенденцию к демократизации литературного языка, к свободе слова. Это обусловило широкое проникновение в литературный язык жаргонной и просторечной лексики [1, 93–94]. В итоге активизировался особый субъязык – молодежный сленг, который представляет собой динамично развивающееся полиструктурное образование, основанное на молодежных жаргонах предыдущего века, но имеющее и существенные особенности, обусловленные нашим временем.

В лингвистической литературе *сленг* определяется как «периферийный лексический пласт, лежащий как вне пределов литературной разговорной речи, так и вне границ диалектов общенационального языка», который включает в себя, с одной стороны, «слой специальной лексики и фразеологии профессиональных говоров, специальных жаргонов и аргоса преступного мира и, с другой стороны, слой широко распространенной и общепринятой эмоционально-экспрессивной лексики и фразеологии нелитературной речи» [6, 628]. Его границы аморфны, а состав текуч, что связано с многообразием социальных ролей, в которых может выступать молодой человек в разных речевых ситуациях, а также с ценностной ориентацией и характером соответствующей молодежной группы (она может быть открытой или

замкнутой, входить в общество или противопоставлять себя ему). Молодежный жаргон – особая разновидность речи, существующая давно, и не только в русскоязычном общении. Это универсалия. В свое время эту мысль блестяще доказал Д.С. Лихачев: сравнив словари американского сленга и французского арго с русской воровской речью, он пришел к выводу, что «один и тот же тип мышления, сходный до мелочей, поражает в каждом арготическом выражении. Одни и те же понятия замещают друг друга. Одни и те же представления лежат в основе многих воровских понятий. Одна и та же идеология выражается в эмоциональной окраске воровских терминов» [3, 358–359].

Что же составляет «идеологию» современного сленга? Прежде всего, это критическое, ироническое отношение ко всему, что связано с давлением государственной машины, официальной системы. Кроме этого, «системный» молодежный сленг с самого своего возникновения выступает для молодых как своеобразный способ самовыражения, как особое психологическое свойство людей молодого возраста – желание противопоставить себя взрослым [2, 35]. Нередко в использовании запрещенной в общем употреблении нестандартной лексики и фразеологии (единицы из криминального словаря) проявляется и стремление молодежи подражать новым героям нашего времени, исповедующим новые идеалы – власть и силу. Наконец, сленг – это возможность выражения ярких и сильных эмоций, своеобразное средство самоутверждения. Молодому человеку важно не только *что* сказать, но и *как* сказать.

Конечные выводы, к которым приходят исследователи молодежного сленга, не оставляют ему права на существование. Сленг – это явление негативное, это, по мысли ученых, знак «вербального бессилия», «бессознательное стремление скрыть этот факт от адресата путем замены литературных слов сленговыми эквивалентами (в этом случае брань и сленг выступают как слова-паразиты)» [7, 21].

Тем не менее, молодежный сленг – явление, безусловно, живучее и жизнеспособное. Об этом свидетельствуют художественные тексты разного времени, в которых зафиксировано использование жаргонной лексики и

фразеологии, выполняющей многообразные задачи. Тексты – это своего рода документы, фиксирующие природу, сущность и характерные особенности молодежных социолектов разного времени.

Особенности современного молодежного сленга и его функционирования можно изучать на материале текстов, в которых изображено наше время. Таких текстов нет в литературе образцовой, классической, поэтому целесообразно обратиться к литературе массовой. Несмотря на противоречивые оценки этого явления, одно ценное свойство у ряда текстов массовой литературы, несомненно, имеется: они оперативно фиксируют языковые явления и процессы современности. В соответствии с психологической установкой масс, с их новым «языковым вкусом» авторы-беллетристы широко используют лексику разговорную, просторечную, жаргонную. Художественный текст сам по себе не является полноценным источником для описания жаргона, так как, будучи обработан автором в соответствии со своими целями, выступает лишь косвенным свидетельством языковой ситуации. Однако обращение к нескольким текстам разных авторов не только дает достаточно объективное представление о сленге как социально-речевом феномене, о закономерностях складывания и тенденциях его развития на современном этапе, но и позволяет всесторонне оценить роль сленговых единиц в литературном произведении.

Обратимся к текстам тех писателей, чье творчество получило широкое признание в читательской среде. Это Татьяна Устинова, Анна и Сергей Литвиновы, Галина Куликова (перечень сокращенных обозначений текстов см. в примечании). Их произведения повествуют о событиях и реалиях нашего времени, о героях наших дней, поэтому в их текстах находит отражение актуальное состояние языковой системы. Поскольку среди персонажей названных авторов есть школьники, подростки, студенты, молодые представители разных профессий – программисты, журналисты, подростки, ведущие асоциальный образ жизни, и т.п., то в этих текстах следует ожидать появления молодежного сленга и проявления его функций.

В состав молодежного сленга, как свидетельствуют материал текстов, входят групповые жаргоны, определяемые возрастом и местом их носителей в социуме. Это школьный жаргон, носителями которого являются подростки-школьники (*училка, учителька, классуха, дружбан, физра, литра, контрошка*), молодежный студенческий жаргон (его носителями в одном из романов Устиновой выступают студенты престижных вузов): *рульный чувак* ‘отличный мужчина’, *бой* ‘парень, поклонник’, *драйвер* ‘водитель’, *папик* – 1. ‘немолодой богатый покровитель-любовник’, 2. ‘представитель старшего поколения’, *кайфово, понтово, кислотно* – ‘превосходно, отлично’, *беспонтово* ‘странно, абсурдно’, *в оттяг* ‘в удовольствие’, «*в кассу*» ‘в самый раз, подходяще’. Изобилует жаргоном и речь недавних студентов, молодых программистов – персонажей романа Т. Устиновой «Пять шагов по облакам»: *берлога, хата* ‘квартира, где можно собраться компанией или уединиться с девушкой’, *безбашенный* ‘ведущий себя подобно сумасшедшему’, *клевый* ‘хороший, отличный, прекрасный’, *глубоко фиолетова* ‘безразлична’ и др. В исследуемых текстах представлены также жаргоны новых референтных групп – наркоманов (*травка* ‘любое наркотическое вещество для курения’, *балдежник* – от *балдеть* ‘принимать наркотики и испытывать их воздействие’, *дурь* ‘наркотическое вещество для курения’, *косяк* ‘сигарета или папироса с наркотическим веществом’, *обдолбанный* ‘находящийся под воздействием наркотика’. Арготическая лексика выступает как часть молодежного сленга в текстах названных авторов в тех случаях, если речь идет об асоциальных молодежных группах. Сленговое их обозначение – *гонники*. В романе Т. Устиновой «Колодец забытых желаний», как и в современном молодежном сленге, так называются, во-первых, подростки, входящие в территориальную группировку агрессивно настроенной молодежи, а во-вторых – примитивные, необразованные молодые люди.

Заметной составной частью современного молодежного сленга выступает компьютерный жаргон: *ламер, юзер, программер, хакер, комп, дрюкер* ‘принтер’, *клава* ‘клавиатура’, *вири* ‘компьютерные вирусы’, *прога* ‘программа’, *кряк* ‘программа-взломщик’, *сидок* ‘накопитель на лазерных дисках’; *мыло* ‘электронная почта’, *виснуть* ‘не реагировать на запросы извне (о компьютере)’, *глючить*

‘работать со сбоями (о программе)’, *хакнуть* ‘взламывать, изменять программу’, *инфа* ‘информация’ и др. Этот корпоративный сленг представлен в тексте Устиновой не только лексемами, но даже фразеологическими выражениями: *ламак виснутый* – ‘компьютер, не реагирующий на запросы извне’, *хакер форева!* – междометие (‘программисты, вперед!’).

Многие из сленгизмов носят интержаргонный характер, то есть используется в речи разных молодых людей. Это собственно молодежный сленг. В его составе отмечены существительные (*ботан*, *ботаник*, *герлушка* ‘девушка, девочка’, *кекс* ‘молодой человек, юноша’, *тыква* ‘голова’, *хагены* ‘армейские черные ботинки на шнуровке’, *батл* ‘бутылка’, *чел* ‘человек, обычно не вызывающих плохих эмоций’, *ботва* ‘ерунда, чушь’, *рулез* ‘о чем-то отличном, превосходном’); некоторые прилагательные (*голимый* – 1. ‘проявляющийся в высшей степени’; 2. крайне глупый, несообразительный’, *конкретный* ‘качественный, хороший’, *прикольный* ‘заслуживающий внимания, интересный’), глаголы (*кишкануться* ‘перекусить, поесть’, *соскакивать* ‘быстро уходить, убегать’, *разрулить* ‘разобраться в чем-л.’, *оторваться* ‘получить удовольствие’, *засосать* ‘выпить’, *разрулить* ‘разобраться в чем-л.’, *оторваться* ‘получить удовольствие’ и др.

Обязательной характеристикой смысловой структуры сленговых слов и выражений, для которой свойственно равноправие денотации и коннотации, является экспрессивность (*облом* ‘неудача, крушение планов’, *кранты* ‘о печальном исходе чего-л.’, *запахло* ‘унизительно, не соответствует положению, статусу’, *фигня*, *лажа*, *бодяга*, *туфта*, *отстой*, *подстава* и др.) и даже доминирование коннотации над предметным значением слова (девушка – *жаба*, *телка*, *коза*, *овца*, *кошелка*). Эмоциональная окрашенность большинства сленговых слов довольно однообразна: преобладают эмоции пренебрежения (*ботан*, *децел*), презрения (*шнырь*, *отморозок*, *жаба*); ироничности (*гонирик*, *прихехеширик*; *тыква*) и др. Немало и бранных слов.

Для сленга характерна множественность выражения одного и того же понятия, связанная как с многообразием источников сленговых номинаций и способов их деривации, так и с бедностью речи носителей сленга. Это

специфическая характеристика сленгового лексикона как системного образования, обуславливающая дублетность средств выражения. Особенно велика она среди глаголов: *тусить, тусануться, оторваться, оттягиваться* – ‘приятно провести время в компании, обычно с выпивкой’; *допирать, усекать, въезжать, сечь, догонять, сечь фишку* – ‘понимать’; *отслупить, отбаилять, отсвинярить, отмулякать* – ‘отсчитать деньги, заплатить’; *свалить, слинять* и др. Однако есть и субстантивная дублетная лексика: *бабки, бабло, бабули, грины, баксы, «зеленые», зеленые рубли, хрусты, капуста* – ‘деньги, доллары’; *герла, герлушка, жаба, василиса, телка, телочка, чмара, кошелка, телка* – ‘девушка’; *бэбик, спиногрыз, пацан, пацаненок* – ‘ребенок’ и др. Синонимы адъективного характера – *зашибенный, офигенный, офигительный, отпадный, классный, потрясный, суперский; тухлый, стремный; отстойный, голимый*. Среди наречий лексическая избыточность тоже выявляется очень выразительно: *крутовато, круто, кульно, кайфово, понтово, потрясно, кислотно, клево* – ‘превосходно, отлично’.

Другая особенность сленга – недостаточная дифференциация значений сленгизмов, диффузный характер их семантики. Например, в сленге почти нет однозначных междометий: слова *бляха-муха, блин, блин-компот, блин горелый, кранты, ешкин кот* могут выражать любую эмоцию.

Смысловая неточность, неопределенность сленговых значений, затрудняющая его понимание, семантическая диффузность сленгизмов – это отрицательные характеристики молодежной речи, провоцирующие неумение связно выражать свои мысли в любой ситуации – в учебной работе, в профессиональной деятельности, в межличностном общении

Тем не менее, как показывает текстовый материал, молодежь широко использует жаргонные слова. Современные беллетристы, используя сленгизмы в тексте с разными художественными задачами, прежде всего объективно отражают реальное состояние социума и показывают ущербность речевой личности современного носителя молодежного сленга.

Наиболее частотная художественная функция молодежного сленга в тексте – это социально-речевая стилизация, намеренное воспроизведение (имитация)

характерных языковых особенностей той или иной социальной общности. Изображая речь современных тинейджеров и молодых людей, авторы реалистически передают их речеповеденческие привычки. Так, Т. Устинова, изображая молодых персонажей-программистов Бэзила и Алекса, свято соблюдающих обычаи «тусовки», прямо указывает на традиционалистскую мотивацию их поведения и речи: *...По правилам положено, чтобы «крутые программеры» принимали водку и «догонялись» пивом. Нельзя же правила нарушать! Кроме того, если они не будут пить пиво литрами, девчонки могут подумать, что они «ботаны» – ботаники, значит, недоделанные, – котята и щенята* (Уст.-2, 100). По неписаным правилам молодежной группы в ней положено говорить на особом языке. Когда тридцатипятилетняя героиня повести Г. Куликовой, у которой возникла необходимость заручиться поддержкой свидетеля-студента, спрашивает у знакомого юноши, что нужно, чтобы молодежь приняла ее в свою среду, тот отвечает: *«Прикид и владение сленгом»* (Кул., 68).

Нередко в тексте с помощью сленга отражается особая форма речевого поведения персонажей – речевой агрессии, нацеленной на оскорбление собеседника. Лексико-фразеологические единицы уголовного арготизма авторы используют для создания отталкивающе натуралистичных речевых масок «гопников». Например, в сцене вымогательства денег у одного из персонажей читаем: *«Ну ты, это, бабла у папахена надыбал, фуфель?» – «Нет»... «Бодягу катишь, децел? В жмурки, что ль, хочешь сыграть вместе со своей телкой? Ты рогами-то шевели, с кем связался, муму не катай! <...> Ты, щемло!.. Вставай, чмо!..* (Уст.-3, 100–101). Здесь арготизм выступает как речевое средство устрашения.

Сленгизмы в речи молодых персонажей сигнализируют о субъективном их отношении к окружающему, служат эмоциональной оценке происходящего. Они по-своему разнообразят речь, но при этом уродуют личность молодых людей, которые не только говорят, но и думают на сленге. В качестве примера приведем фрагмент текста Устиновой с несобственно-прямой речью одного из «крутых программеров»: *«Девчонки измелывали! Они с Алексом полвечера икру перед ней [девушкой. – С.К.] метали, а она – готово дело!.. Ушла с дядькой, блин*

горелый!». А когда он спросил про девчонку, «кто, мол, такая и вернется», ему ответили, что это «Натаха, а **чувак** – охранник, **Натахин папашка крутой перец**. <...> Она в Лондоне **лямку тянет**, учится, типа того! Сечешь?... **Подвалить**-то к ней можно, а дальше – **кирдык!** (Уст.-2, 103–104) .

Не вызывает неприятия лишь такая экспрессивная функция сленга в художественном тексте, как создание юмористического эффекта. На использовании молодежного сленга основана языковая игра в повести Г. Куликовой «Рецепт дорогого удовольствия». Глаша, героиня повести, специально изучает слова молодежного жаргона, стремясь найти общий язык со студентом Витей Стрельниковым, который должен стать свидетелем по ее делу. На встрече с молодым человеком за их столиком оказался отец Виктора. В тексте приведен комичный полилог между Глашей, использующей сленг, и далекими от неформального словоупотребления Виктором и его отцом. «Ты ведь ... сам **хрустов** не зарабатываешь, небось **самовар доишь?**» – «Какой самовар?». Героине «стало понятно, что **«пассажир не рубит»**. **«Доить самовар** – это значит брать деньги у папы», – пояснила она. «Так и есть, – неожиданно подал голос небритый сосед. – Он **доит самовар**. И в настоящий момент самовар находится в стадии закипания» (Кул., 79).

Лексика молодежного сленга может обеспечивать создание комического эффекта благодаря семантическим трансформациям слов, происходящим в криминальном жаргоне и не всегда известным другим носителям языка. Показателен контекст из романа Устиновой, когда бандиты, угрожая героине по телефону, использовали выражение *полные вилы*: «Ты, **курочка**, ... слушай, – сказали в трубке весело, – если твой **козырь** из Москвы хоть шаг шагнет, **будут ему полные вилы**» (Уст.-1, 15). Пересказывая разговор «козырю», героиня романа говорит: «Вы в Киев ехать не должны, или будут вам ... **длинные грабли**» (Уст.-1, 17). Комический эффект возникает из-за тематической близости лексем, но на языке преступников угроза, опасность – это *полные вилы*, а не «длинные грабли».

Образы носителей молодежного сленга комичны и в целом, притом не просто забавны, но порой даже гротескны. Не случайно разные авторы одинаково сравни-

вают сленг с обезьяньим языком, а их носителей, соответственно, с некоторыми видами приматов. Например, героев романа Устиновой Бэзила и Алекса окружающие называют «бандерлогами». Героиня романа Литвиновых, интеллигентный библиотекарь, ассоциирует бандитов-отморозков, носителей арготического сленга, с гамадрилами. Глаша, героиня повести Куликовой, вынужденная изучать сленг, надеется, что, может быть, «*вовсе не обязательно пользоваться этим обезьяньим языком?*» (Кул., 73). Очевидно, что, осуществляя с разными художественными целями включение слов и выражений из молодежного сленга в тексты своих романов, писатели-беллетристы вместе с тем последовательно выражают негативное отношение к этому явлению. В неформальной речи молодежи обнаруживаются тенденции, вызывающие явную тревогу, и авторы показывают эти тенденции.

Во-первых, для молодежного сленга характерно расширение возрастных границ. Будучи субъязыком открытой группы, молодежный жаргон влияет на общенародную речь. Не случайно авторы вкладывают жаргонные слова в уста и умы людей зрелого возраста: женщина-врач зрелого возраста в районной поликлинике «*шалашовками ругается, если юбка хоть на сантиметр выше колена*» (Литв., 30); почтенный бизнесмен, имеющий в содержанках юную фотомодел, в мыслях тоже называет себя *напиком*, когда решает: *с имиджем «мирного напика» явно пора заканчивать*» (Литв., 29). Так происходит постепенное вливание жаргонной лексики в общенародный словарь.

Тексты беллетристики отражают заметное огрубление словаря молодежи, что в свою очередь свидетельствует об огрублении нравов в обществе. В романе Устиновой студенты престижных вузов, проводящие время в загородном модном клубе, называют официанта *ублюдок*. Здесь имеет место языковая игра (от слова *блюдо*), но омонимия с известным бранным словом придает слову экспрессию крайней грубости: *Кэт, помаши ублюдку, пусть хоть меню принесет!..* (Уст.-3, 158). Л. Скворцов подчеркивает опасность этой тенденции для общества: «Как и всякое зло, грубое слово порождает в ответ новое зло, а в результате все это отрицательное и неустранимое накапливается в общей «языковой» атмосфере, становясь губительным для всех нас [5, 105].

Выразительно выступает в исследуемых текстах такая свойственная нашему времени особенность молодежной речи, как феминизация жаргона. Особо подчеркивается чужеродность жаргонизмов в речи девушек в романе Т. Устиновой «Колодец забытых желаний». Впервые увиденная героем юная красавица Вика – изящная, хрупкая: *«Ах, какая хорошенькая, глаз не оторвать! Ноготочки – лепестки, щёчки – маки»* (Уст.-3, 84). Но когда в ее речи появляется слово *«отсвинярить»*, девушка становится неинтересной. Примечательно, что щеголяют грубыми словами девушки из вполне интеллигентных семей, с развитой речью и богатым лексиконом. Героиня романа Литвиновых, девочка из благополучной семьи, мысленно реагирует на воспитательные речи матери так: *Насчет табака с алкоголем – так это <...> инсинуация, или, по-русски, понты корявые* (Литв., 149). Каждый из авторов по-своему акцентирует внимание на том факте, что современные героини часто лишены индивидуальности, они неосознанно и бездумно следуют «речевой» моде и далеко обошли знаменитую Эллочку Людоедку из романа Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев».

В текстах массовой литературы подчеркнута и такая особенность молодежного сленга современности, как его криминализация. Речь молодежи отражает повседневную жизнь, в которой приоритетное место, как отмечает А. Мурашов, занимают «честные бандиты» – «люди, ставшие оккупантами нынешней России» [4, 79]. Равняясь на них, подростки утверждают себя, матерясь и козыряя арготической лексикой. В анализируемых текстах, несмотря на то, что их авторы – женщины, элементы такого языка отмечены в речи не только «гопников» (*отканать, до хрена, трындец, закатать в бампер по самые яйца*, и др.), но и обычной «продвинутой» молодежи (*трах, накидать пистонов, вляпаться по самые помидоры*), и даже интеллигентных девушек (*прошмандовка*).

Таким образом, обращение к текстам современной беллетристики разных авторов дает достаточно объективное представление о сленге как социально-речевом феномене, о тенденциях его развития на современном этапе и позволяет не только всесторонне исследовать художественную роль сленговых единиц в литературном произведении, но и увидеть уродливые стороны этого явления.

Примечание. Текстовые иллюстрации сопровождаются сокращенным указанием в круглых скобках на автора произведения и страницу по следующим изданиям: Кул. – Куликова Г.М. Рецепт дорогого удовольствия: Повесть / Г.М. Куликова. – М. : Изд-во Эксмо, 2003. – 316 с.; Литв. – Литвинова А.В., Литвинов С.В. Коллекция страхов прет-а-порте: Роман / А.В. Литвинова, С.В. Литвинов. – М. : Эксмо, 2006. – 320 с.; Уст.-1 – Устинова Т.В. Саквояж со светлым будущим: Роман / Т.В. Устинова. – М. : Изд-во Эксмо, 2005. – 352 с.; Уст.-2 – Устинова Т.В. Пять шагов по облакам: Роман / Т.В. Устинова. – М. : Изд-во Эксмо, 2006. – 352 с.; Уст.-3 – Устинова Т.В. Колодец забытых желаний: Роман / Т.В. Устинова. – М. : Изд-во Эксмо, 2007. – 352 с.

Литература

1. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке / Н.С. Валгина. – Учебное пособие для вузов. – М. : Логос, 2003. – 304 с.
2. Крысин Л.П. Социальные жаргоны /Л.П. Крысин. // Семья и школа. – 2002. – № 8. – С. 34–35.
3. Лихачев Д.С. Черты первобытного примитивизма воровской речи / Д.С. Лихачев // Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы) Авт.-сост. Д.С. Балдаев, В.К. Белко, И.М. Исупов. – М. : Края Москвы, 1992. – С.354– 405.
4. Мурашов А.А. Современный российский социум: речевая личность как отражение социальной катастрофы / А.А. Мурашов // Текст. Язык. Человек : сборник научных трудов: в 2 ч. /отв. Ред. С.Б. Кураш, В.Ф. Русецкий. – Мозырь : УО «МГПУ им. И.П. Шамякина», 2007. – Ч.2. – С. 77– 82.
5. Скворцов Л.И. Что угрожает литературному языку (Размышления о состоянии современной речи) / Л.И. Скворцов // Русский язык в школе. – 1994. – №5. – С. 99 – 105.
6. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. – М. : Флинта : Наука, 2003. – 696 с.
7. Щербинина В.Ю. Аспекты работы по преодолению инвективно-сленгового словоупотребления в речи учащихся / В.Ю. Щербинина // Русский язык в школе. – 2009 – №1. – С. 18–24.